

В.И. Дудина

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ: ОТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ К ПЕРФОРМАТИВНОСТИ*

В условиях сложного и текущего характера современности социальное знание уже не успевает отражать реальность, любая самая точная репрезентация размывается быстро меняющимися референтами. Эпистемология, основанная на репрезентационной парадигме, не соответствует динамичному характеру современного общества. Возникает необходимость поиска новой эпистемологии социального знания. В статье рассматривается процесс замены репрезентационной парадигмы перформативной, который можно наблюдать в социальных науках особенно отчетливо начиная со второй половины XX в.

Ключевые слова: *репрезентация, перформативность, прагматический поворот, перформативный поворот, эпистемология, социальное знание.*

Keywords: *representation, performativity, pragmatic turn, performative turn, epistemology, social knowledge.*

25 октября 1946 г. в Кембридже в ходе очередного заседания Клуба моральных наук — еженедельного философского семинара, произошло событие, которому было суждено войти в историю из-за своей экстраординарности для академических кругов: великий философ Людвиг Витгенштейн замахнулся кочергой на другого великого философа, Карла Поппера. Данное событие нашло свое отражение в книге британских

* Статья подготовлена при поддержке Темплана НИР СПбГУ. Проект № 10.38.90.2012 «Эпистемологическая реконфигурация социологии в начале XXI века»

журналистов Дэвида Эдмондса и Джона Айдиноу «Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами» (Эдмондс, Айдиноу 2004). Авторы пишут: «по сей день очевидцы и исследователи расходятся во взглядах на события того вечера. Сомнений не вызывает одно: между Поппером и Витгенштейном состоялся яростный спор о фундаментальной природе философии — действительно ли существуют философские проблемы (Поппер) или только головоломки (Витгенштейн)» (Там же: 8). Этот анекдотический эпизод может рассматриваться как метафора противостояния таких столь разных, хоть и вышедших из общего поля, эпистемологических доктрин, как логический позитивизм, пытавшийся найти универсальный логический язык, и лингвистическая философия, провозгласившая данную задачу лишенной смысла и призывавшая принимать «все как есть». Если для логических позитивистов в лице Поппера язык представлял собой в первую очередь средство репрезентации реальности, которое должно быть максимально прозрачным, формализованным и построенным по единым логическим правилам, то основатель лингвистической философии Витгенштейн считал, что язык не репрезентирует ничего, кроме себя самого, и представляет особую «форму жизни», которая сама по себе является реальностью.

Итак, предметом ожесточенного спора между двумя великими философами был вопрос о месте и значении языка, или, говоря другими словами, о том, выполняет язык функцию репрезентации реальности или создания реальности. Работа Витгенштейна «Философские исследования», опубликованная в 1953 г., оказала решающее влияние на формирование лингвистической философии XX в. и, по сути дела, задала новую онтологию языка. Лингвистическая философия отказалась от отражательной теории значения, язык перестал рассматриваться как нечто противопоставленное миру и отражающее его: язык сам является реальностью, представляет собой ряд событий, действий, имеет свои применения, которые должны удовлетворять целям людей в мире; язык — это активность, форма жизни, мы в принципе не можем выйти за его границы. Вместо отражательной теории, лингвистическая философия предложила орудийную теорию языка, в соответствии с которой значение терминов есть их применение в качестве орудий в общественном мире. Язык трактуется как деятельность, предпринимаемая конкретным человеком в конкретной ситуации. Человек видит реальность по образу и подобию своего языка. Естественные языки — просто ряды действий определенного типа, которыми люди занимаются при конкретных обстоятельствах, имея в виду конкретные цели. Исследуя реальность через язык, мы будем изучать закономерности языка.

Оксфордский философ-аналитик Джон Остин обратил внимание на тот факт, что язык имеет не только репрезентативную, но и перформативную функцию. В своей широко известной работе «Как производить действия при помощи слов» Остин пишет: «Среди философов слишком долго было укоренено убеждение, что “утверждение” может только описывать положение вещей или “утверждать нечто о каком-либо факте”, который при этом должен быть либо истинным, либо ложным» (Остин 1999: 15). Вместе с тем философы, по мнению Остина, не замечали того очевидного факта, давно подмеченного лингвистами, что не все предложения являются «утверждениями». Кроме констатирующих утверждений, Остин выделяет целый класс предложений, к которым не могут быть применены критерии истинности / ложности, которые ничего не описывают и не констатируют — вопросы, восклицания, команды, пожелания и т. п. Эти высказывания не предназначены для сообщения некой информации о фактах, «употребление этих предложений является частью поступков или действий, которые в обычных случаях не описываются как говорение о чем-либо» (Там же: 18). Подобного рода высказывания Остин называет перформативами (от англ. «perform» — представлять, осуществлять, исполнять). Перформатив «не описывает и не информирует, но употребляется для того, чтобы сделать что-то, или в процессе осуществления этого действия» (Там же: 57). По отношению к перформативам применимо не правило истинности / ложности, а правило успешности / неуспешности, как и по отношению к действиям.

В дальнейшем Остин отказался от вычленения перформативов только на основании их грамматической формы. Перформативность задается контекстом, высказывание, имеющее грамматическую форму констатирующего высказывания, будучи употребленным в соответствующем контексте, может иметь практические последствия, как и любое успешное действие, например, утверждение «Там — бык!», звучащее как предостережение. Таким образом, введение четкого грамматического критерия для разграничения перформативного употребления оказывается под вопросом. В конечном итоге любое высказывание может быть расценено как действие, например, действие по произнесению определенных звуков или слов. Таким образом, используя язык, люди всегда действуют, т. е. все высказывания тем или иным образом перформативны — это положение легло в основу теории речевых актов.

Ряд важных положений теории речевых актов был разработан учеником Остина Джоном Серлем. Джон Серль от теории речевых актов переходит к идее конструирования социальной реальности. Социальная реальность, по мысли Серля, представляет собой прежде всего и по преимуществу языковую реальность, а социальность сводится Серлем к языковому взаимодействию. Вот что Серль пишет по этому поводу:

«Какова роль языка в институциональной реальности? Я сказал, что нечто есть деньги, собственность или брак, только если люди думают, что это есть деньги, собственность или брак, но как могли бы они вообще иметь такую мысль, если бы у них не было языка? Более того, не является ли язык именно той разновидностью социальной реальности, которую мы пытаемся объяснить?» (Searle 1999: 115). Серль вводит в теорию речевых актов понятие «коммуникативной интенции». Речевой акт интенционален, т. е. представляет собой не просто грамматическую структуру, но выражает желания, представления и намерения говорящего, предполагает существование социальной связи между коммуникантами, требующей соблюдения определенных условий и правил. Тем самым, речевой акт представляет собой не просто перформатив (действие), но, в первую очередь, «социальное действие». Итак, любое высказывание обладает определенной перформативной силой и, тем самым, является действием по производству значений. Но кто является субъектом этого действия? Предложенное Серлем понятие коммуникативной интенции подразумевает, что именно говорящий является источником значения, поскольку произносит то или иное утверждение в соответствии с собственными намерениями. Может ли говорящий субъект рассматриваться как источник значения? Может ли речевой акт быть рассмотрен в отрыве от ситуации, в которой он имеет место? И, соответственно, кто является истинным субъектом социального действия? Является ли иллокутивная сила высказывания следствием намерения говорящего или интерпретации слушателя? Например, обязательно ли высказывание, которое расценивается говорящим как приказ, будет таким же образом расценено слушателем? Все эти вопросы переориентируют наше внимание от отдельного высказывания к тому контексту, в рамках которого осуществляется высказывание. «В большинстве случаев буквальный смысл предложения или выражения задает условия истинности только при наличии набора фоновых допущений и практик» (Searle 1980: 227). Таким образом, от идеи речевого акта мы приходим к идее контекста или фоновых практик. Значение высказывания порождает не сам говорящий субъект, но вся совокупность допущений и практик, на фоне которых осуществляется тот или иной речевой акт.

От отражательной теории познания — к практическому знанию

Фоновое знание это, по сути, личностное, практическое знание, не имеющее дискурсивной формы, которое не может быть передано в четких формулировках. Таким образом, в сферу исследований языка проникает понятие практики. Здесь можно упомянуть о так называемом прагматическом повороте в философском и социогуманитарном знании. Примат деятельности по отношению к мысли — основное допуще-

ние, лежащее в основе прагматического поворота в эпистемологии и методологии социальных наук. «Предполагается, что ясное и отчетливое понимание новых идей должно предшествовать их формулировке и социальному выражению. Сначала у нас есть идея или проблема, а потом мы действуем, т. е. говорим. Однако маленькие дети, которые пользуются словами, комбинируют их, играют с ними, прежде чем усвоят их значение, первоначально выходящее за пределы их понимания, действуют совершенно иначе. Первоначальная игровая активность является существенной предпосылкой акта понимания» (Фейерабенд 1986: 156). На примате стихийной, живой реальности по отношению к застывшим мыслительным системам, на несводимости реальности к мышлению настаивала уже философия жизни. Мысль действительна только в контексте практики ее применения, это относится как к отдельным понятиям, так и к целостным теоретическим и философским системам: «философия остается действенной до тех пор, пока сохраняется породившая ее практика, которая несет ее в себе и которую она освещает» (Сартр 1994: 6). В противовес схеме Гегеля, для которого переживаемое оказывалось снятым и исчезало в знании, в абсолюте, философия жизни говорит о первичной реальности переживаемого, единичного, которое несводимо к знанию и к мысли. О переживаемом можно говорить и думать, но оно все-таки ускользает от познания.

В эпистемологии прагматический поворот в значительной мере был обозначен публикацией в 1958 г. работы английского философа М. Полани «Личностное знание». В познавательной деятельности Полани выделил явные и неявные компоненты. В науке явное знание представлено как интерперсональное знание, существующее в понятиях и теориях, а неявное — как личностное знание, вплетенное в искусство экспериментирования, в теоретические навыки ученых, в их пристрастия и убеждения. С точки зрения Полани, имплицитный, скрытый (не выраженный в словах и правилах) элемент познавательной активности представляет собой не «неформализуемый избыток информации», а саму основу логических форм знания. Таким образом, на место отражательной теории познания приходит представление об орудийном, инструментальном характере познания.

«Прагматический поворот» затронул не только область философской рефлексии. Эмпирические исследования в области социологии знания и науки, особенно активно развивавшиеся с середины 1970-х гг., показали значительное расхождение между идеализированными нормативными философскими представлениями о том, как должна функционировать наука, и тем, как она в действительности функционирует. В 1979 г. увидело свет этнографическое исследование Бруно Латура и Стива Вулгара «Жизнь лаборатории» (Latour, Woolgar 1979), в 1981 г.

выходит книга «Производство знания» Карин Кнопп Цетины (Knorr Cetina 1981). В США развиваются этнометодологические исследования науки (напр., Lynch, Livingston, Garfinkel 1983), М. Малкей и Дж. Гилберт предлагают программу дискурсного анализа научного знания (Гилберт, Малкей 1987). В отличие от традиционных исследований научного знания как истории идей или институциональных структур науки, во всех этих исследованиях внимание было направлено на изучение действий ученых по производству знания, а наука рассматривалась как практика и особая культура. Наука как практика подразумевает, что факты «исполняются», а в этом исполнении задействованы не только мыслительные усилия и психологические процессы, но и социальные, культурные и материальные элементы.

Т. Кун в предисловии к английскому переводу работы Людвиг Флекка «Возникновение и развитие научного факта» с юмором упоминал об изумленной реакции немецких коллег на название данной книги: «Как возможна такая книга? Факт — это факт. У него нет ни возникновения, ни развития» (Флек 1999: 19). Такая реакция в середине XX в. была вполне типичной и понятной. Но введение в процесс познания феномена практики радикально меняет представление о том, что такое социальный факт. Понятие «факт» начинает трактоваться не как фундаментальная и независимая реальность, но скорее как нечто, создаваемое в процессе познания. К. Кнопп Цетина пишет: «Несмотря на то, что сама этимология слова “факт” указывает на то, что “факт” — это нечто “сделанное”, в соответствии с латинским корнем *facere* — “делать”, мы все еще продолжаем думать о научных фактах как о данностях, а не как об изделиях» (Knorr Cetina 1981: 3). Суть переворота в представлениях о факте состоит в том, что отныне факты начинают рассматриваться не как то, что «открывается», «обнаруживается», «выясняется», а как то, что «производится», «создается», «конструируется». Основным вопросом, интересующим исследователей науки, становится не вопрос, насколько точно знание репрезентирует реальность, а вопрос, как знание производит реальность.

Обычно, говоря о «прагматическом повороте», указывают на следующие трансформации: интерес к неявному, локальному, фоновому знанию в противоположность дискурсивному, формализованному, универсальному знанию; исследование повседневных практик, навыков и традиций вместо исследования макроструктур и нормативной регламентации действий; интерес к практике «следования правилу», а не к формализованным правилам. Совершенно справедливо указывая на эти черты «прагматического поворота», часто забывают ту глубинную трансформацию, которая действительно затронула саму сущность процесса познания — на радикальный пересмотр концепции репрезента-

ции. Приравнивание высказываний к действиям и устранение различий между языком и реальностью через перенос акцента на использование языка как инструмента в практических контекстах означает, в сущности, изменение точки зрения на отношения между субъектом и объектом познания. Субъект покидает созерцательную позицию наблюдателя, представляющего реальность, и занимает позицию деятеля, конструирующего реальность посредством имеющихся инструментов. Ричард Рорти в работе «Философия и зеркало природы», опубликованной в 1979 г., провозгласил кризис репрезентации, показав историчность возникновения самого понятия «репрезентация», в основе которого лежит допущение о разделении объекта познания и субъекта, который более или менее точно представляет себе объект, репрезентирует его в своем сознании. «Понятие “точной репрезентации” является автоматическим и пустым комплиментом, отпускаемым тем верам, которые помогают нам делать то, что мы хотим <...> понятие познания как ансамбля точных репрезентаций — это только одна из возможностей и оно может быть заменено прагматистской концепцией познания, которая устраняет свойственное грекам противопоставление размышления и действия, репрезентирования мира и совладания с ним» (Рорти 1997: 8).

Итак, представления не только отражают реальность, но и влияют на нее. Это утверждение не является чем-то новым для социологии. Знаменитая теорема Томаса гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» (Thomas W., Thomas D. 1928: 572). Роберт Мертон, в развитие теоремы Томаса, предложил понятие «самоисполняющегося пророчества» (self-fulfilling prophecy) — процесса, благодаря которому представление о ситуации, существующее у участников, влияет на ее исход, независимо от соответствия этого представления объективному положению вещей: «Публичные определения ситуации (пророчества и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и, таким образом, влияют на последующее развитие ситуации» (Мертон 2006: 607). Примерно об этом же рассуждает и Карл Поппер в «Нищете историцизма», описывая эффект Эдипа в социальных науках — влияние предсказания на предсказываемое событие. Примечательно, что в своей интеллектуальной биографии «Бесконечный поиск» Поппер признается: «Какое-то время я думал, что существование Эффекта Эдипа разделяет социальные и естественные науки. Но в биологии также — особенно в молекулярной биологии, ожидания часто играют роль в осуществлении того, что ожидалось. Между тем мой отказ от идеи, что это явление может служить в качестве маркера, разделяющего социальные и естественные науки, задал начало моей работе “Индетерминизм в квантовой и классической физике”» (Popper 2002: 139). Что

отличает здесь позицию Поппера, так это признаваемая возможность распространения концепции нерепрезентационного знания на научное знание. Со времен античной Греции наука рассматривалась как царство репрезентации, как сфера логики, отвечающей за построение истинных суждений, отражающих реальность, в противовес риторике, рассматривающей высказывание с точки зрения производимого эффекта. Какие же следствия имеет допущение влияния научных высказываний на реальность и где границы этого влияния? «Есть ли основания считать, что научная теория может изменить природу объекта, который она описывает? Может ли экономическая наука воздействовать на поведение реальных экономических агентов, которых она призвана анализировать объективно и отстраненно? Не будет ли это равносильно утверждению, что физика и физики могут влиять на законы движения планет?» (Callon 2007: 313) Какие следствия имеет распространение тезиса о перформативности на область научного знания?

Перформативный поворот в социальном познании

Начиная приблизительно с 90-х гг. XX в., можно говорить о так называемом перформативном повороте в социальном познании. Перформативный поворот представляет собой изменение в эпистемологической конфигурации социальных наук, которое предполагает смещение от репрезентации (представления) к исполнению в трактовке познания и социальной реальности. Понятие перформанса начинает использоваться как метафора и как аналитический инструмент исследования. «Метафора перформанса отразила растущее недовольство традиционным пониманием социальной реальности как текста и выразила переход от систем представлений к практике. Понятие перформанса нацелено скорее на действия, а не на тексты или символические структуры, на социальное конструирование реальности, а не на ее репрезентацию» (Dirksmeier, Helbrecht 2008). Перформативность становится новой матрицей понимания и новой исследовательской программой, объединяющей исследователей в области социальных и гуманитарных наук, которая претендует на пересмотр парадигмы социального знания и трактовку всей социальной реальности с точки зрения перформативности.

Говоря о перформативном повороте, можно выделить по крайней мере две его ветви. Одна ветвь берет свое начало из драматургической перспективы в социологии и гуманитарных науках. Здесь можно упомянуть работы антрополога Виктора Тернера, рассматривавшего культурные перформансы с позиций социальной антропологии (например, Turner 1986), труды Ирвинга Гофмана, развившего драматургическую перспективу в социологии, концепцию культурной прагматики Джеф-

фри Александера. Драматургическая модель, основанная на метафоре «общество как театр», в попытках найти компромисс между текстуальной и прагматической составляющими социальной реальности развилась в более широкий подход, трактующий социальную деятельность как культурный перформанс. В данных моделях подчеркивается активная, конструирующая роль социальной деятельности, которая трактуется не как следование предустановленным нормам, но как совокупность исполнений.

Другая ветвь перформативного поворота задана трудами в сфере исследований науки и технологий (STS). Именно это направление представляет наибольший интерес с точки зрения проблемы, рассматриваемой в данной статье, — трансформации эпистемологической конфигурации социологии. Бруно Латур в работе «Нового времени не было» (Латур 2006) подвергает критике мышление Нового времени, которое отделяет друг от друга области фактов, власти и дискурса. В своем проекте реформирования науки Латур предлагает отказаться от столь привычного разделения общества, природы и знания. По мысли Латура, пришло время вернуться к антропологическому типу мышления, который предполагает, что любой элемент является одновременно «реальным, социальным и рассказанным» (Латур 2006: 66). Такая постановка вопроса неизбежно влечет за собой отказ от отражательной теории познания, в основе которой лежит представление о разделении субъекта и объекта, и, соответственно, требует радикального пересмотра проблемы репрезентации.

Условием репрезентации является допущение, что разум — это зеркало, которое отражает реальность с большими или меньшими искажениями, а научные методы представляют собой способы «осмотра, починки и полировки зеркала» (Рорти 1997: 9) с тем, чтобы сделать отражение более ясным и отчетливым. С точки зрения перформативности, познание не отражает, а создает, исполняет или учреждает реальность. Отказ от «зеркальной метафоры» коренным образом меняет понимание репрезентации. Как утверждает Латур, о репрезентации в науке теперь можно говорить в том же смысле, в каком мы говорим о политической репрезентации интересов определенной группы. Репрезентировать — значит говорить от чьего-либо имени, представлять кого-либо или что-либо (Латур 2006: 92). Подобно тому, как политик говорит от имени тех, кто не имеет голоса, так и ученый вещает от имени фактов. Репрезентация становится не отражением, а социальной практикой представительства, которая предполагает, что представляемые в значительной степени «конструируются», «создаются» представителем. На место познания как репрезентации приходит познание как соисполнение.

В основе тезиса о перформативности лежит новое представление о субъекте познания — субъект познания имеет диффузный, распределенный характер — это теперь не отдельный ученый и даже не «мыслительный коллектив» или «научное сообщество», отделенное от социального мира стенами лаборатории или стеллажами с книгами. Субъект познания «распределяется» в социальном и материальном мире. «Распределенный» субъект не отражает реальность, а соучаствует в ее создании. Каллон называет этот процесс со-исполнением (co-performance). «Инновации носят коллективный характер. В этих коллективах нет смысла противопоставлять тех, кто делает утверждения, тем, кто воплощает их в реальность. Каждый делает экономику, но с применением различных средств — моделей, теорем, формул, технических приспособлений» (Callon 2007: 334–335). Например, рассматривая связь между экономической наукой и экономикой, Каллон предлагает использовать термин «экономика в целом» (economics at large) и выделяет два типа экономистов «одомашненные экономисты» и «экономисты в дикой природе». Экономическая наука «в дикой природе» смешана с инженерными науками, естественными науками, менеджментом и пр. Так же точно, рассматривая работу социологического знания, мы можем говорить о «социологии в целом», понимая под этим не только профессионалов в сфере академической и прикладной социологии, но и разнообразных экспертов социальной сферы, политиков, журналистов, всех тех, кто применяет социальные знания с большей или меньшей степенью последовательности и рефлексивности, влияя тем самым на изменение как самой социальной реальности, так и представлений о ней.

С точки зрения распределенного субъекта познания, знание понимается не как совокупность записанных текстов и теорий, отделенных от практики, а как воплощенное знание. Знание воплощено в практики экспертов, специалистов, в материальные приборы, обеспечивающие их работу, в институциональные структуры, аккумулирующие ресурсы, в технологии получения и распространения знания. Эти агломерации, которые объединяют людей, идеи, институциональные структуры, а также материальные элементы как природного, так и искусственного происхождения Латур предложил называть «сетью», а Каллон «социотехническим устройством» (socio-technical agencement). Как указывал Остин, для успешности перформативного высказывания необходим соответствующий контекст (Остин 1999: 88). Сети и социотехнические устройства представляют собой тот контекст, вне которого высказывание будет лишено не только своей перформативной силы, но и смысла. Таким образом, можно сказать, что не отдельные утверждения, а именно сети и социотехнические устройства, частью которых являются те или иные утверждения, обладают перформативным эффектом. «Поня-

тие перформативности не может быть редуцировано к мистическому механизму (“да будет свет и стал свет”), являющемуся причиной возникновения реальности, к которой относится высказывание, без дополнительных сил. <...> Любое утверждение определяет свой контекст и имеет значение только относительно контекста. Вопрос актуализации этого контекста остается открытым. <... > Контекст не редуцируется лишь к институтам, нормам и правилам, а представляет собой социотехническое окружение (socio-technical arrangement). Отбрасывается идея, что все — есть вопрос языка и что перформативность утверждений должна быть обнаружена только в утверждении» (Callon 2007: 326–327).

Как знание учреждает реальность?

Несмотря на то, что представление науки как практики стало уже почти что конвенцией, остается по-прежнему открытым вопрос об отношении полученного знания к реальности, о том, как научные высказывания воплощаются в реальность и перестраивают эту реальность. Как понять утверждение о том, что научный факт не репрезентирует реальность, а исполняется? Если знание не является репрезентацией реальности, то чем оно тогда является? Здесь возможно несколько ответов, упорядоченных по степени перформативности: наиболее слабая версия состоит в том, что знание составляет часть реальности (получая знания, мы совершаем определенные действия в мире и, следовательно, знание получает онтологический статус как часть наших действий); средняя версия предполагает, что знание воздействует на реальность и изменяет ее (полученные знания могут «внедряться», использоваться для осуществления изменений в соответствии с нашими рациональными проектами); наконец, наиболее сильным утверждением будет указание на то, что знание создает (или учреждает) реальность, что делая определенные утверждения, мы вызываем к жизни новые сущности и материальные следствия (здесь предполагается, что утверждения, существующие в рамках соответствующего контекста или сети, вызывают изменения непреднамеренным образом — не в форме «применения» знания, а в ходе самих практик познания). Сильная версия артикулирует практический характер познания — научным результатом является реконфигурация реальности. Реконфигурация реальности в соответствии с полученными научными результатами, в свою очередь, имеет следствием увеличение правдоподобности теорий. «Как естественники, так и социальные ученые вносят вклад в учреждение (enacting) тех реальностей, которые они описывают» (Callon 2007: 315). Латур показал этот процесс в своей работе «Пастеризация Франции» (Latour 1988), где детально проследил, как открытие микробов, осуществленное Пастером, привело к принятию ряда законов в сфере социальной гигиены,

к радикальным изменениям инфраструктуры пищевой промышленности, к трансформации гигиенических практик и т. д. Латур показывает, что принятие определенной теории является не только вопросом эксперимента или обоснования, но и возможности объединения самых различных ресурсов для убеждения в истинности того или иного научного факта. Наука, создавая объекты, которые приобретают значение за ее пределами, тем самым увеличивает правдоподобность высказываний исследователей. Научный факт отрывается от своих создателей и начинает самостоятельную жизнь, воплощаясь в конкретных вещах (например, вакцина, компьютер и пр.) или институциях (лаборатория, парламент), т. е. превращаясь в очевидную для всех реальность. Но подобный процесс «затвердевания» научного факта невозможен без соответствующего контекста, вне сетей или социотехнических устройств. «То, что представлялось верифицированным, поскольку актуализировалось в данный момент времени в данном месте, “де-реализуется”, когда обстоятельства меняются, т. е. когда по разным причинам появляются другие социотехнические устройства» (Callon 2007: 336). Таким образом, борьба различных научных утверждений предполагает, по сути, борьбу реальностей, учреждаемых различными сетями и социотехническими устройствами.

В качестве примера можно привести дискуссии о том, насколько реален рационально действующий индивид, являющийся антропологической предпосылкой многих экономических теорий. Каллон, рассматривая эту проблему, дает такой ответ: рационально действующий индивид, скрупулезно просчитывающий свои выгоды и издержки с помощью новейших экономических моделей, является продуктом распространения экономических теорий в реальную экономическую практику, следствием перехода от одной социотехнической среды к другой. Рассматривая практику современных норвежских рыбаков, Каллон пишет о том, что некогда случайная, ускользающая и непредсказуемая рыба, на которую было трудно предъявить права собственности, трансформировалась в хорошо просчитанную, отслеживаемую, предсказуемую и управляемую Кибер-рыбу (*ciber-fish*). Чтобы такая трансформация осуществилась, потребовалось радикальное изменение в технических средствах, появление отслеживающих приборов, статистических моделей и международных соглашений относительно квот вылова рыбы. «Для достижения всего этого необходимо было превратить темный и таинственный океан в прозрачный аквариум. Когда рыбаки превращаются в *homines eonomici*, они могут хорошо жить только тогда, когда моря реконфигурированы в аквариумы. Без этой новой рыбы норвежские рыбаки не смогли бы просчитать свои интересы. Поскольку кибер-рыба была “исполнена” (*performed*) науками (рыболовством, морской биоло-

гией, популяционной динамикой) и политиками, была создана сцена для выхода homo economicus» (Callon 2007: 337).

Социологические категории так же перформативны, как и экономические. Это означает, что они производят эффекты, создают различия, учреждают новые реальности, способствуют реализации того, что они «открыли». Подобно тому, как с развитием наук появляется просчитываемая и планируемая Кибер-рыба, так же точно, с появлением массовых опросов, появляется общественное мнение, выраженное в процентах, таблицах и графиках. Парадокс заключается в том, что сама техника и институционализация массовых опросов производит такой феномен, как общественное мнение, который становится реальностью и действующей социальной силой. Мнение перестает быть случайным, на мнение можно воздействовать и результат этого воздействия можно посчитать. По сути дела, многие социологические категории представляют собой не только описания, но исполнения соответствующих реальностей.

Следствия перформативности: от производства знания к его потреблению

Признание перформативности знания требует включить в эпистемологические рассуждения не только анализ производства знания, но и анализ его распространения, потребления и использования. К. Кнорр Цетина в статье «Эпистемология информационного знания» противопоставляет метафору потребления метафоре производства, долгое время доминировавшей в эпистемологии и социологии науки (Knorr Cetina 2010). Рассуждение о знании в терминах производства опирается на репрезентационную идиому, в соответствии с которой задача знания — производить как можно более точные репрезентации реальности. В финансовом информационном знании, которое является объектом рассмотрения в статье Кнорр Цетины, репрезентация утрачивает свое первостепенное значение, что связано с особым характером реальности, к которой относится информационное знание. Реальность финансовых рынков — это текучая, нестабильная, постоянно меняющаяся реальность. В отличие от стабильного мира природы, изучаемого естественными науками, информационная реальность финансовых рынков представляет собой постоянно движущийся поток событий, каждое из которых получает свое значение относительно будущего. В этом потоковом мире в расчет принимаются новости, а не истина. Можно ли говорить о репрезентации, если само появление репрезентирующего утверждения уже изменяет референт. «Если новая информация включается во временные транзакции, то следить за новостями, помещать их в существующие рамки интерпретации и пересматривать прогнозы и тенденции будет основным видом деятельности, который заменит репрезента-

цию» (Knorr Cetina 2010: 183). Репрезентация в полях информационного знания замещается «апрезентацией». Апрезентация — общий термин для обозначения процессов сбора, кодирования и передачи новой информации пользователям. В отличие от репрезентации как символического представления реальности, апрезентация представляет собой передачу сигнала без изменения его формы, сигнал на входе и выходе идентичен, получатель и отправитель имеют дело с одним и тем же сообщением. Перенос информации на экраны мониторов, мы не репрезентируем реальность, но создаем новую реальность.

Знание не существует независимо от процессов его распространения и использования. Распространение знания может как усиливать его позиции, так и ослаблять их, то есть сам процесс распространения и использования знания оказывает влияние на ценность и релевантность знания. Например, потребление знания на финансовых рынках предполагает истощение его информационного содержания в процессе использования. Здесь появляется парадокс перформативности: чем больше используется знание, тем менее релевантным оно становится. Истинность знания не является гарантией его жизнеспособности. Истинное знание на финансовых рынках становится иррелевантным по мере своего распространения — чем больше участников рынка владеют важной информацией относительно тех или иных показателей, тем больше их будут принимать сходные решения и тем ниже будет становиться ценность единицы такого знания.

Признание перформативности знания задает новую перспективу для социальных наук: «Нам больше не надо выбирать между интерпретацией мира и его трансформацией. Наша, совместная с акторами, работа состоит в том, чтобы умножать возможные миры через коллективное экспериментирование и исполнение» (Callon 2007: 352). Изменение конфигурации социального знания от репрезентации к перформативности позволяет по-новому поставить многие вопросы в эпистемологии социальных наук, а от поиска ответов на некоторые «вечные» вопросы попросту отказаться за ненадобностью. Например, вопрос, насколько точно наше знание соответствует реальности, может быть переосмыслен таким образом, что само соответствие должно теперь пониматься не в том смысле, в каком фотография соответствует изображенному на ней объекту, а в том, в каком инструмент соответствует той цели, для которой предназначен.

Литература

Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.

Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс-VIA, 1993.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1994.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.

Юдин Г.Б. Перформативность в действии: экономика качеств М. Каллона как парадигма социологического анализа рынков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 4. С. 47–58.

Alexander J.C., Giesen B., Mast J.L. (Eds.) Social performance: symbolic action, cultural pragmatics, and ritual. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Alexander J.C. Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy // Sociological Theory. 2004. 22(4). Pp. 527–573.

Alexander J.C., Reed I. Social Science as Reading and Performance: A Cultural-Sociological Understanding of Epistemology // European Journal of Sociology. 2009. 12(1). Pp. 21–41.

Callon M. What does it mean to say that economics is performative? // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007. Pp. 311–357.

Dirksmeier P., Helbrecht I. Time, non-representational theory and the «performative turn» – Towards a new methodology in qualitative social research / Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. 2008. 9(2). Art. 55. <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/385/839> (дата обращения: 18.05.2011)

Knorr Cetina K. The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press, 1981.

Knorr Cetina K. The epistemics of information: a consumption model // Journal of Consumer Culture. 2010. 10(2). Pp. 171 – 201.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills: Sage Publications, 1979.

Latour B. The Pasteurization of France. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.

Law J., Urry J. Enacting the social // Economy and Society. Vol. 3. No 3. August 2004. Pp. 390 – 410.

Lynch M., Livingston E., Garfinkel H. Temporal order in laboratory life / Knorr Cetina K.D. and Mulkay M. (eds.) Science observed: perspectives on the social study of science. London: Sage, 1983. Pp. 205–38.

Социальная теория

Merton R. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press. 1968.

Osborne T., Rose N. Do the social sciences create phenomena? The example of public opinion research // *British Journal of Sociology* 1999. Vol. 50. Pp. 367–96.

Pickering A. From science as knowledge to science as practice / Science as practice and culture / Ed. by A. Pickering. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–28.

Popper K. Unended Quest. London: Routledge. 2002.

Schechner R. Performance Studies. An Introduction. New York, 2006.

Searle J.R. Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York: Basic Books, 1999.

Searle J.R. The Background of Meaning // *Speech Act Theory and Pragmatics* / ed. by J. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980.

Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf., 1928.

Turner V. The anthropology of performance. NY: Performing Arts Journal Publications. 1986.